

М. де Леперванш

ИММИГРАЦИЯ В АВСТРАЛИЮ В 1947—1979 ГОДАХ

Если не считать аборигенов, Австралия — это страна, заселенная недавними иммигрантами и их потомками. Однако период после 1947 г. представляет особый интерес в связи с разнообразием этнического происхождения иммигрантов и тем значительным вкладом, который они внесли в увеличение населения, накопление капитала, промышленное развитие и культурное многообразие страны¹. К 1971 г. из населения в 12,8 млн. почти каждый третий либо сам прибыл в послевоенный период, либо происходил из семьи послевоенных иммигрантов. К 1977 г. из 4 млн. иммигрантов первого или второго поколения более половины имели небританское происхождение.

В настоящее время в Австралии почти 100 национальных групп имеют свои организации; всего насчитывается 2,3 тыс. таких организаций²; все возрастает число австралийских учреждений и организаций, занятых вопросами иммиграции и этническими проблемами. Наряду с Министерством иммиграции и этнических проблем (и его многочисленными советами и комитетами) с этими вопросами имеют дело Федеральное министерство социального обеспечения, Управление общинных взаимоотношений и множество других ведомств, занимающихся улучшением быта иммигрантов, не говоря уже об их собственных разнообразных религиозных и этнических организациях.

В настоящее время передачи на национальных языках иммигрантов ведутся по радио и телевидению Сиднея и Мельбурна. В стране выходят различные издания по меньшей мере на 21 языке, не считая английского.

За последние годы опубликован ряд правительственных докладов, содержащих обширный материал об условиях существования и быте иммигрантов в австралийском обществе. Об иммиграции в Австралию существует также богатая литература; она отражена в серии превосходных библиографических справочников³. Здесь нет возможности дать даже краткий обзор материалов, использованных при подготовке нашей статьи.

После второй мировой войны следовавшие друг за другом австралийские правительства (как лейбористские, так и либеральные), вербуя иммигрантов из небританских источников, способствовали все больше-

¹ Collins J. The Political Economy of Post-War Immigration.— In: Essays in the Political Economy of Australian Capitalism/Ed. Wheelwright E. L. and Buckley K. V. 1. Sydney, 1975, p. 105—129.

² Australia. Department of Immigration and Ethnic Affairs. Directory of Ethnic and National Group Organizations in Australia 1978—1979. Canberra, 1979.

³ Price C. A. (ed.). Australian Immigration: A Bibliography and Digest. № 1—3. Canberra, 1966—1976 (№ 3 with Martin J. I.). Четвертый выпуск этой серии находится в печати.

му усилению этнического разнообразия в стране. Была провозглашена задача ежегодно за счет иммиграции увеличивать численность населения страны на 1%. Это должно было способствовать повышению обороноспособности страны, росту промышленности и более эффективной эксплуатации природных ресурсов, смягчить нехватку рабочей силы и содействовать расширению рынков сбыта. До 70-х гг. предполагалось, что все иммигранты, и британские и небританские, будут усваивать «австралийский образ жизни».

Когда в 1945 г. лейбористское правительство учредило Федеральное министерство иммиграции и провозгласило плановую иммиграционную политику, предусматривающую, в частности, финансовую помощь иммигрантам, это означало крутой поворот в традиционной политике рабочих организаций. В XIX и начале XX в. рабочие боролись против оказания помощи даже британским иммигрантам, поскольку иммиграция угрожала снизить уровень жизни и увеличить безработицу⁴. Но вторая мировая война многое изменила в настроениях австралийского общества, изменились и социальные условия. Во время войны на Тихом океане австралийцы остро почувствовали свою уязвимость, и даже профсоюзы согласились с тем, что по стратегическим соображениям надо приветствовать иммигрантов, заселяющих страну. К тому же Австралия в первые послевоенные годы испытывала острый недостаток в рабочей силе (особенно молодежи), возникший из-за низкой рождаемости в период кризиса и депрессии 30-х годов. Массовая иммиграция предоставляла возможность заполнить эти пробелы. Вместе с тем проявлялась все же забота о том, чтобы сохранить традиционные особенности населения страны. Поэтому общественное мнение и правительственная политика сходились в вопросе о необходимости иммиграции; но предпочтение отдавалось иммигрантам из Англии или в крайнем случае из Северной Европы.

Когда в 1945 г. лейбористское правительство приступило к выполнению своей иммиграционной программы, перспективы промышленного развития и полной занятости выглядели благоприятными. Либеральная оппозиция, представлявшая круги, заинтересованные в снижении расходов на рабочую силу, росте промышленности и расширении рынков, поддерживала эту программу; на 1947 г. было намечено принять 70 тыс. иммигрантов. К 1975 г. задача увеличения населения на 1% потребовала бы повысить годовую квоту до 130 тыс. чел. Однако планы не всегда выполнялись, а к концу 70-х годов безработица в стране заставила очередное лейбористское правительство резко сократить приток новых переселенцев. Нынешнее либеральное правительство планирует на 1978—1981 гг. въезд 70 тыс. иммигрантов в год, но этот план подвергается критике со стороны лейбористских и иных деятелей, указывающих на нецелесообразность въезда новых людей в такое время, когда многие австралийцы, особенно выпускники средней школы и недавние иммигранты, не имеют работы. Один из доводов в пользу продолжения иммиграции заключается в том, что Австралия нуждается в квалифицированных рабочих, которые не займут места безработных средней и низкой квалификации. Противники этой точки зрения считают, что правительству следует организовать обучение своей собственной молодежи, каких бы затрат это ни потребовало.

За последние 30 лет взгляды коренных австралийцев на иммиграцию изменились. Причины этого — не только изменение экономической конъюнктуры, но и усилившаяся вербовка иммигрантов из небританских стран, а также классовая структура австралийского общества и появление в нем бросающейся в глаза этнической стратификации. Пока глав-

⁴ *Lepervanche de M.* Australian Immigrants 1788—1940: Desired and Unwanted — In: Essays in the Political Economy of Australian Capitalism. V. 1.

ным источником иммиграции в Австралию служила Великобритания, при публичном обсуждении вопросов иммиграции неизменно подчеркивались культурная однородность австралийской нации и ее родственные и дружеские связи с Британией; широко распространено было представление о культурной непрерывности и единстве, а в спорах оно намного перевешивало роль классовых различий. Такое настроение в первое время сохранялось и при усилившемся притоке небританских иммигрантов.

Правда, эта приверженность к «англоконформизму» порой нарушалась даже до второй мировой войны: вражда между католиками и протестантами в Австралии оказалась связанной с противоречиями между ирландскими рабочими—католиками, поддерживавшими лейбористскую партию, с одной стороны, и протестантскими элементами, к которым принадлежали собственники из господствующего класса, сторонники британских имперских интересов, — с другой⁵. Однако упор на задачу ассимиляции иммигрантов, ясно выраженный в министерских заявлениях и трудах исследователей, лишь в самые последние годы уступил место поддержке плюрализма и культурного многообразия.

Прежде чем подробнее рассмотреть эти изменения в идеологии, остановимся на породивших их реальных обстоятельствах.

СТРАНЫ ВЫХОДА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИММИГРАНТОВ

Конец 40-х — начало 50-х годов

В соответствии со своим стремлением получать британских иммигрантов Австралия в 1946 г. заключила договор с Великобританией, и в 1947 г. вступил в силу план иммиграции, предусматривающий, в частности, правительственную помощь переселенцам. Несколько ранее, в 1938 г., Австралия согласилась принять 15 тыс. евреев, преследуемых Гитлером, но к началу войны, т. е. к 1939 г., прибыло только 7,5 тыс. беженцев. После войны Австралия снова дала согласие на въезд некоторого числа перемещенных лиц из Европы, и за 1947—1954 гг., по совместному плану австралийского правительства и Международной организации по делам беженцев, их прибыло около 170 тыс. В те же годы получили денежную помощь 120 тыс. британских иммигрантов, около 10 тыс. иммигрантов-мальтийцев, а также еще 10 тыс. других иммигрантов, в том числе много голландских граждан, вынужденных покинуть Индонезию. За этот же период без денежной поддержки от правительства в Австралию въехало примерно 70 тыс. британцев, 15 тыс. евреев (им помогали религиозные благотворительные организации), 30 тыс. итальянцев, 10 тыс. греков и киприотов, 10 тыс. голландцев и 25 тыс. прочих иммигрантов⁶.

При приеме перемещенных лиц им ставилось условие, чтобы они два года проработали там, куда сочтет нужным их послать австралийское правительство. Новостройки, например ГЭС в Снежных горах, извлекли из этого дешевого иммигрантского труда определенную пользу; для некоторых же из самих приезжих этот тяжелый физический труд, особенно в безлюдных местах, нанес удар по их самоуважению, вызвал их социальную отчужденность. Среди иммигрантов имели место случаи психических заболеваний.

⁵ *Encel S. Class and Status* — In: *Australian Society*/Ed. Davies A. F. and Encel S. Melbourne, 1970. В романе Фрэнка Харди «Власть без славы» дано художественное отображение вражды между ирландцами и британцами и ее классовой подоплеку в Австралии.

⁶ *Kunz E. F. The Genesis of the Post-War Immigration Programme and the Evolution of the Tied-Labour Displaced Persons Scheme.*—In: *Ethnic Studies*, 1977, v. 1, № 1; *Martin J. Refugee Settlers: A Study of Displaced Persons in Australia.* Canberra, 1965; *Price C. A. Overseas Migration to Australia 1947—70.*—In: *Price C. A. (ed.). Op. cit.*, № 2, p. A4.

Возрастание доли небританских переселенцев в то время не вызвало беспокойства в общественном мнении принимающего общества, потому что в условиях усиленно развивающейся экономики перед австралийцами еще не стояла угроза безработицы. Более того, они все в большей мере занимали должности надсмотрщиков или конторских служащих, в то время как иммигранты неевропейского происхождения оказывались на низших ступенях социально-экономической системы. Эта этносоциальная прослойка существует и поныне, но с усилением в 70-х годах безработицы стали ощутимее связанные с ней напряженные отношения, которые в более ранний послевоенный период мало замечались. К тому же, в 70-х годах из среды самих иммигрантов стали появляться более откровенные, чем в 50-х годах, высказывания по поводу их приниженного положения.

На открывшиеся перед австралийской экономикой перспективы роста правительства (как лейбористские, так и либеральные) ответили увеличением планов иммиграции до 170 тыс. чел. в 1949 г. и до 200 тыс. в 1950 г. и расширенной вербовкой переселенцев в небританских странах. В связи с этим были заключены соглашения с Нидерландами и Италией в 1951 г. и с ФРГ в 1952 г.; кроме того, австралийское правительство достигло договоренности с Межправительственным комитетом по европейской миграции (ИСЕМ) и с Австрией, Бельгией, Грецией и Испанией. А после 1954 г. Организация помощи переселенцам предоставила материальную помощь лицам, принадлежащим к широкому кругу национальностей, до того не охваченных планами помощи национальных или беженских организаций. Но в начале 50-х годов снизились цены на шерсть, и тут раздались голоса протеста против массовой иммиграции; в связи с этим правительство снизило план приема иммигрантов на 1952 г. до 127 тыс. и на 1953 г. до 80 тыс. чел. Это вызвало раздражение европейских правительств, чьих граждан до того зазывали в Австралию. Столь резкое сокращение иммиграции было не в интересах и самой Австралии: ведь бывает, что одновременно, скажем, в Сиднее безработица, а в Перте не хватает рабочей силы. Поэтому в конце 50-х годов было решено поддерживать размеры иммиграции на уровне годового прироста населения на 1%, отступая от этой нормы лишь в случаях крайней необходимости.

1950-е годы

Влияние европейской иммиграции на этнический состав Австралии можно оценить, сравнив цифры за десятилетие 1951—1961 гг. с данными за предшествующий период. В 50-х годах 33,1% всей чистой иммиграции (т. е. всей иммиграции за вычетом реэмиграции) шло из Южной Европы; это было несколько больше чистой иммиграции британцев (32,6%). Среди прибывших в то десятилетие было также 15 тыс. венгров, 7 тыс. русских (бывших белоэмигрантов) из Китая, а чистая иммиграция немцев и голландцев составила в среднем соответственно 7 и 8 тыс. в год. Приток выходцев из континентальной Европы вызвал некоторую тревогу у тех австралийцев, которые все еще отстаивали требование преобладания британцев; поэтому правительственная помощь была сокращена, а условия поручительства сделаны более жесткими, так что живущие в Австралии южноевропейцы могли вызывать к себе только самых близких родственников.

Итак, к 1961 г. состав стран — источников иммиграционных движений уже сильно изменился по сравнению с намечавшимся на 1947 г. Число иммигрантов из Великобритании вообще было недостаточным, и, кроме того, на родину возвратилось некоторое число уже поселившихся в Австралии англичан. По имеющимся оценкам, из 550 тыс. британцев, въехавших в Австралию за 1947—1961 гг., 95 тыс. (17%) снова выехали на постоянное жительство либо в Соединенное Королевство, либо в Но-

Чистая иммиграция в Австралию за 1947—1961 гг.

Страны происхождения	I. VII. 1947-I. VII. 1951 г.			I. VII. 1951-30. VI. 1961 г.		
	число иммигрантов		% к итогу	число иммигрантов		% к итогу
	всего	в среднем за год		всего	в среднем за год	
Британская и ирландская иммиграция	192 541	48 135	41,4	271 316	27 132	32,6
в том числе Великобритания и Ирландия	174 508	43 627	37,6	252 301	25 230	30,3
Новая Зеландия	6 761	1 690	1,4	13 206	1 321	1,6
Северная Европа	34 938	8 735	7,5	219 188	21 918	26,3
в том числе Нидерланды	20 013	5 003	4,3	87 443	8 744	10,5
ФРГ	4 111	1 028	0,9	71 433	7 143	8,6
Восточная Европа	173 359	43 339	37,3	41 352	4 135	5,0
в том числе Польша	68 708	17 177	14,8	7 026	702	0,8
Югославия	21 793	5 448	4,7	12 107	1 211	1,5
Венгрия	12 662	3 165	2,7	13 628	1 363	1,6
Прочие	18 724	4 681	4,0	5 226	523	0,6
Южная Европа	53 508	13 377	11,5	275 841	27 585	33,1
в том числе Италия	32 003	8 001	6,9	171 720	17 172	20,6
Греция, Кипр	9 462	2 366	2,0	70 618	7 062	8,5
Мальта	11 653	2 913	2,5	29 556	2 956	3,6
Азия	7 271	1 818	1,6	19 364	1 936	2,3
в том числе Ливан, Сирия	1 500	375	0,3	4 600	460	0,6
Израиль	200	50		3 500	350	0,4
Индия, Пакистан, Цейлон	1 000	250	0,2	1 500	150	0,2
Китай, Гонконг, Сингапур, Малайзия	3 600	900	0,8	6 300	630	0,8
Африка	450	113	0,1	1 200	120	0,2
в том числе ЮАР	200	50		500	50	0,1
Америка	2 238	560	0,5	3 868	387	0,4
в том числе США	2 138	535	0,4	3 568	357	0,4
Всего	464 355	116 089	100,0	832 529	83 253	100,0
Эмиграция уроженцев Австралии	22 910	5 728		50 192	5 019	
Чистая иммиграция	441 445	110 361		782 337	78 234	

Примечание. Источник: Price C. A. (ed.) Australian Immigration: A Bibliography and Digest № 2 (1970). Canberra, 1971, p. 82.

вую Зеландию или США. В тот же период число выезжавших небританских поселенцев редко превышало 8%.

Если в период 1947—1951 гг. правительственная помощь оказывалась примерно 66% иммигрантов, то в период 1951—1961 гг. доля получавших помощь составляла только 59%, но для выходцев из Великобритании она достигала примерно 80%; это показывает, насколько власти стремились привлекать британский элемент. В то же десятилетие (1951—1961 гг.) вся чистая иммиграция составляла в среднем всего лишь 78 тыс. чел., или 0,8% населения в год, против намечавшегося правительством 1% или выше. Уменьшавшийся приток иммигрантов вызвал разочарование составителей планов, но зато успокоил тех, кто жаловался на инфляционные последствия массовой иммиграции и связанную с ней перегрузку общественных учреждений сферы обслуживания.

Начиная с 1947 г. ограничения на въезд европейцев постепенно ослаблялись, но это было не единственной переменной в иммиграционной политике Австралии в 1950-х годах. Потребность в рабочей силе как

квалифицированной, так и неквалифицированной, привела к более существенным изменениям, которые затронули политику «Белой Австралии».

В 1952 г. был разрешен въезд (сперва с пропусками, действительными на пять лет) японкам — женам австралийских военнослужащих. В 1956—1957 гг. неевропейцы, прожившие в Австралии 15 лет, получили право оставаться на постоянное жительство и вслед за тем подавать заявление о приобретении австралийского гражданства. Соответствующий период для европейцев составлял всего пять лет; таким образом, они по-прежнему имели привилегии по сравнению с другими иммигрантами. Но в то же время была введена новая категория — «выдающийся выходец из Азии высокой квалификации», позволившая принимать неевропейцев высшей квалификации. Супруги австралийских граждан, получившие разрешение на временное проживание в стране, также смогли подавать заявления о приеме их в гражданство. В 1956 г. были введены также послабления для оптовых торговцев и их домашней прислуги, для престарелых родителей живущих в Австралии выходцев из Азии и для учащихся. В 1958 г. новый миграционный акт отменил одиозный тест-диктант, на основании которого с 1901 г. отказывали в допуске нежелательным выходцам из Азии; к 1960 г. были допущены к постоянному жительству в стране по меньшей мере 1785 неевропейцев; в том же году стали гражданами 516 выходцев из Азии¹. Однако эти реформы еще не позволяли проводить активную вербовку иммигрантов в Азии.

1960-е годы

В начале 60-х годов в связи с финансовыми затруднениями правительство пересмотрело свою иммиграционную политику: общие планы не были снижены, но была уменьшена доля мужчин-работников; центр внимания был перенесен на иммиграцию женщин и детей (членов семей ранее приехавших иммигрантов.— *Ред.*). К середине 60-х годов экономическое положение страны улучшилось и иммиграция усилилась: в 1965/1966 гг. она составила 142 тыс. чел. при плане на 1966 г. 145 тыс. чел.

До середины 60-х годов на характер иммиграции влияли следующие факторы: 1) конкуренция со стороны созданного в 1957 г. Европейского экономического сообщества (ЕЭС), которое оттягивало иммигрантов из стран, традиционно поставляющих переселенцев в Австралию: число немцев и голландцев, въезжающих в Австралию, снизилось в среднем с 8—10 тыс. в год в 1951—1961 гг. до 3,2 и 2,2 тыс. в год в 1961—1966 г.; 2) между Австралией и Италией возникли несогласия и конфликты по вопросу об иммигрантах и о признании их квалификации; число получающих помощь иммигрантов из Италии снизилось с 3 тыс. в год в 1956—1961 гг. до всего лишь 200 в год в 1962—1966 гг.; 3) заметно выросло число британских иммигрантов — с 36 тыс. в 1961 г. до 78 тыс. в 1965 г.; они составили более половины всех въезжающих, но это потребовало помощи правительства 87% из них; 4) при снижении числа итальянских иммигрантов число греческих возросло с 7,5 тыс. в 1961 г. до 17,2 тыс. в 1965 г.; увеличилось и число прибывающих югославов — с 4,3 тыс. в 1961 г. до 8 тыс. в 1966 г.; 5) в этот период изменился состав людей, покидающих Австралию; большее число выезжающих вызвало беспокойство планирующих организаций. Если прежде больше уезжали из Австралии британцы, возвращавшиеся в Соединенное Королевство, то теперь стало покидать страну больше североевропейцев и

¹ Rivett K. (ed.). *Immigration: Control or Colour Bar?* Melbourne, 1962, p. 33—35; *Palfreeman A. C. The Administration of the White Australia Policy.* Melbourne, 1967, p. 157—161; Rivett K. *Australia and the Non-White Migrant.* Melbourne, 1975, p. 25—28.

итальянцев. К 1966 г. уехало свыше 20% всех послевоенных немецких переселенцев, а также около 18% голландских и 13% итальянских.

За пятилетие 1961—1966 гг. чистая иммиграция в среднем за год составила 79 тыс. чел., т. е. был обеспечен годовой прирост населения на 0,8% против поставленной задачи обеспечить 1% роста (110 тыс. чел.). Некоторые были разочарованы столь слабым темпом; другие, как, например, Верноновский комитет по экономическим исследованиям, учрежденный в 1963 г., считали, что страна может без ущерба для себя поглощать не более 100 тыс. чел. в год и что следует рассмотреть вопрос о мерах снижения иммиграции. Предприниматели же добивались от правительства увеличения числа иммигрантов, что и было сделано в конце 60-х годов: в 1969/1970 гг. число их дошло до 175 тыс. Однако несмотря на то, что в 1968 и 1969 гг. план был превзойден, в 1966—1970 гг. въезжало в среднем 153 тыс. чел., а чистая иммиграция за это пятилетие составила всего лишь 103 тыс., т. е. оставалась ниже прироста на 1% (120 тыс.).

Усилившийся выезд при уменьшении числа въезжающих из традиционных стран эмиграции побудил правительство в конце 60-х годов предпринять новые усилия для привлечения иммигрантов. Были смягчены условия для въезда иммигрантов из Южной Европы. Вводилась специальная программа помощи иммигрантам из Скандинавии, Швейцарии, Франции и американских стран; были заключены новые соглашения с Югославией и пересмотрены соглашения с Испанией и Грецией. Были также учреждены миграционные представительства в Турции и Португалии. Эти изменения в иммиграционной политике, произведенные в конце 60-х годов, вытекали из потребности Австралии в переселенцах. Турция впервые трактовалась как полностью европейская страна; соглашение с ней, заключенное в 1967 г., предусматривало помощь лицам из Малой Азии, согласным поселиться в Австралии и проработать в ней длительный срок. За 1968—1970 гг. их прибыло 5,5 тыс.; несколько сотен приехало, даже не воспользовавшись помощью.

В 1966 г. ряду высококвалифицированных неевропейцев из Южной и Юго-Восточной Азии было позволено поселиться в стране, а тем из них, кто имел временное разрешение, стало легче получить разрешение на постоянное жительство. Всего за 1966—1971 гг. прибыло 44 521 неевропейцев и полувропейцев.

В конце 60-х годов продолжалась значительная британская иммиграция (в среднем 73 тыс. чел. в год), но голландцев и немцев приезжало мало, ослабел и поток из Италии, Греции и Мальты. В этот период въехало 5,5 тыс. чехов, а число иммигрантов-югославов за период 1966—1970 гг. возросло в среднем до 13,7 тыс. в год.

1970-е годы

В этом десятилетии рост австралийского населения замедлился; все более снижался уровень иммиграции. Это было отчасти вызвано экономическим кризисом в западном мире. К тому же лейбористское правительство в 1972—1975 гг. даже в большей мере, чем либералы в начале 70-х годов, вело политику сознательного снижения иммиграции. В 1970/1971 гг. первоначально было запланировано принять 170 тыс. иммигрантов, но затем план был снижен до 140 тыс.; в 1972 г. — со 140 до 110 тыс. чел. в год, а к 1974 г. — до 80 тыс. чел. В 1975/1976 гг. прибыло 52,5 тыс. иммигрантов — самое низкое число с 1947 г. Несмотря на растущую безработицу, либеральное правительство, пришедшее к власти в 1975 г., увеличило план приема иммигрантов на 1976/1977 гг. до 70 тыс.; в 1977/1978 гг. прибыло только 75 732, а в 1978/1979 гг. — 68 749 чел.

Помимо снижения общего размера иммиграции лейбористское правительство в 1973 г. ввело и другие изменения в иммиграционную политику. Была отменена всякая дискриминация при разрешении на въезд на основании расовой принадлежности, цвета кожи и национальности; оказываемая помощь распространялась на всех иммигрантов; отменялся статистический учет по признаку расовой принадлежности; срок ожидания разрешения на натурализацию сокращался с пяти лет до трех; отменялись особые привилегии, предоставлявшиеся британским иммигрантам. Все это поставило всех приезжающих в равные условия. Но к 1974 г. в связи с ухудшением экономического положения правительство ввело для иммигрантов новые ограничительные условия, связанные с родом их занятий. Отныне иммигрантам разрешался въезд (при условии их приемлемости в остальных отношениях) лишь на основании следующих критериев: 1) объединение семей; 2) владение профессией, требующейся в Австралии; 3) статус беженца; 4) другие исключительные случаи, касающиеся лиц с особыми данными или с капиталом, который они готовы инвестировать в Австралии. В июне 1978 г. в законодательство были введены дальнейшие изменения, была установлена система многофакторной оценки (NUMAS), вступившая в действие с января 1979 г. По этой системе желающий иммигрировать получает баллы за грамотность и знание английского языка, за профессиональную квалификацию и «перспективность успешного устройства» в Австралии. Эта система особенно благоприятна для иммигрантов из США, Южной Африки и Родезии; в последние годы, однако, быстро повысилась доля въезжающих из стран Азии — с 12,9% в 1971/1972 гг. до 37,1% в 1976/1977 гг. Это, вероятно, объясняется трудностью вербовки людей с подходящей квалификацией, вследствие чего увеличилась доля лиц, принимаемых в порядке воссоединения семей, и беженцев.

Между тем в 1977 г. был опубликован доклад «Иммиграционная политика и население Австралии», подготовленный Австралийским советом по народонаселению и иммиграции. В нем содержалась рекомендация правительству установить скользящий трехгодичный план приема иммигрантов. В период между 1978/1979 и 1980/1981 гг. должно было въезжать 90 тыс. иммигрантов в год, при этом чистое увеличение населения за счет иммиграции планировалось в размере 70 тыс. в год. Но, как уже отмечалось выше, эту цифру опротестовывают лейбористы, считающие, что прежде чем вербовать иммигрантов, следует заняться подготовкой австралийских безработных. Критики правительства, указывая также на то, что наличие резерва безработных позволяет использовать его для «дисциплинирования» рабочих и подавления волнений в промышленности, подчеркивают, что это в интересах одних лишь капиталистов⁸.

Что касается первоначальных послевоенных программ иммиграции, то ряд содержащихся в них обещаний был выполнен. Население возросло с 7 579 358 чел. в 1947 г. до 13 548 448 чел. в 1976 г. в значительной мере благодаря иммиграции. За 1947—1976 гг. прибыло более 3,3 млн. иммигрантов, из них 42% из Соединенного Королевства и 58% из небританских стран. Свыше 2,2 млн. этих переселенцев (62%) получили материальную помощь; из них 1,12 млн. (55%) прибыло из Соединенного Королевства и 0,9 млн. (45%) из других стран. Таким образом, если учитывать всех въехавших, численность населения с 1947 г. увеличилась на 25% благодаря иммиграции. Если же исходить из данных о чистой иммиграции, эта цифра будет равна лишь 17%. Но если принять во внимание всех родившихся в Австралии детей иммигрантов, можно сказать, что на иммиграцию падает 59% всего послевоенного прироста населения (см. табл. 2 и рисунок). О вкладе иммиграции в культурное разно-

⁸ Collins J. The Political Economy of Post-War Immigration, p. 118.

Вклад иммиграции в увеличение численности населения за период 1947—1973 гг., тыс. чел.

Группы иммигрантов	Всего	В том числе:		% иммиграционного компонента
		естественный прирост населения 1947 г.	иммигранты и их потомство	
Общее увеличение численности в том числе по возрасту	5612	2285	3327	59,3
0—14 лет	1845	708	1137	61,6
15—24	1081	489	592	54,8
25—64	2178	662	1516	69,7
65 и старше	508	426	82	16,1

Таблица 3

Иммиграция в Австралию по регионам выхода иммигрантов (по годам, начинающимся с 1 июля)

Страна последнего мест-жительства	Годы				
	1947—1970	1970-1971	1971—1972	1972—1973	1973-1974
Британские острова	1 064 424	65 535	55 760	48 681	46 372
Северная Европа	214 755	24 996	14 327	10 152	8 434
Южная Европа	728 971	36 351	23 518	16 560	17 597
Прочие регионы	677 289				
в том числе Африка		4 521	4 063	3 658	3 114
Северная Америка		8264	9 904	6 130	5 596
Ближний Восток *		9 269	7 266	6 086	7 707
Другие районы Азии		8 998	8 893	7 328	9135
Океания и Новая Зеландия		6 364	5 383	5 330	7 111
Неизвестные	—	—	—	—	—
Всего:	2 685 439	170011	132 719	107 401	112 712

Страна последнего местожительства	Годы				
	1974-1975	1975—1976	1976- 1977	1977-1978	1978—1979
Британские острова	38 313	17 550	18 714	21 540	13 107
Северная Европа	6 181	31991	9 002	10 161	5 823
Южная Европа	11 837	8 465/			
Прочие регионы					
в том числе Африка	2 720	1574	2 925	3 901	4 081
Северная Америка	5 101	2 530	2 287	2 171	2 323
Ближний Восток *	4 811	3 021	16 047	4 294	2 714
Другие районы Азии	9 098	7 490	10 263	16 512	20 214
Океания и Новая Зеландия	4 996	5 293	7 587	11 219	14 237
Неизвестные	—	—	292	25	
Всего:	89 147	52 748	70 916	75 342	68 749

* Кипр, Израиль, Ливан, Турция.

Примечание. Источники: Australia, APIC: Immigration Policies and Australia's Population: a Green Paper. Canberra, 1977, p. 52; Australian Bureau of Statistics: Overseas Arrivals and Departures, July 1976 - June 1978, Canberra.

образе Австралии говорят таблицы, показывающие страны выхода иммигрантов и меняющееся соотношение между странами — источниками иммиграции (см. табл. 3 и 4). Вклад иммигрантов в послевоенное развитие и преуспевание Австралии весьма значителен. Это становится особенно ясным при рассмотрении их занятий в стране нового местожительства.

РОД ЗАНЯТИЯ ИММИГРАНТОВ

Надежды составителей первых планов на увеличение рабочей силы посредством иммиграции оправдались. Иммигрантский компонент рабочей силы вырос с 7,3% в 1947 г. до 25,8% в 1971 г. Однако значение иммигрантов для развития капитализма в Австралии становится ясным лишь при учете их распределения по роду занятий и по отраслям промышленности. Хотя на иммигрантов приходится более 60% общего прироста численности рабочей силы за период с 1947 г., они внесли значительно больший вклад в контингент занятых малопrestижной работой, чем в профессии «белых воротничков»⁹.

Темпы прироста населения с 1946/1947 до 1975/1976 гг. (источник: Australia, APIC. Immigration Policies and Australia's Population: A Green Paper, Canberra, AGPS, 1977, p. 11).

В первые послевоенные годы при широком обсуждении вопросов иммиграции всегда подчеркивалась потребность страны в квалифицированных работниках. Однако уже на конференции правительств штатов, созванной в 1946 г. Федеральным правительством для обсуждения мер по абсорбции новых поселенцев и выяснения потребности штатов в трудовых кадрах, стало ясно, что, несмотря на декларацию о важности квалифицированных кадров, штаты особенно нуждались в рабочих, занимающих нижние ступени социально-экономической лестницы, в тех, кто сможет «снять с местного населения кое-что из жизненных тягот...»¹⁰ Любопытно, что это замечание фигурировало только в сноске, хотя тот же автор в обзоре австралийского населения на 1975 г. также отметил, что «современные индустриальные общества, по-видимому, все еще нуждаются в подпорке из рабочих, занимающих нижнюю часть шкалы видов деятельности»¹¹.

Впрочем, иммигранты в Австралии, безусловно, не все были бедны, слабообразованны, не все принадлежали к рабочему классу. Да и не каждый, кто прибыл с малым достоянием, остался на низком общественном уровне. Некоторые британские, как и небританские переселенцы работают в университетах; любая аудитория на камерном музыкальном

⁹ Collins J. Migrants: The Political Void.— In: Australian Politics: a Fourth Reader/Ed. Mayer H., Nelson T. H. Melbourne, 1976, p. 181—184.

¹⁰ Borrie W. D. Immigration: Australia's Problems and Prospects. Sydney, 1949, p. 24, 25.

¹¹ Australia, National Population Inquiry (1975). Population and Australia: A Demographic Analysis and Projection. First Report." V. 1. Canberra, 1975, p. 128.

Иммиграция в Австралию. Доля важнейших стран выхода иммигрантов в 1968—1969 и в 1978—1979 гг.

Страна выхода	1968--1969 гг.		1978--1979 гг.	
	место в порядке важности	% всей иммиграции	место в порядке важности	% всей иммиграции

а) Первый десяток стран в 1968—1969 гг.

Великобритания	Ирландия *	1	45,9	2	18,5
Италия		2	7,5	5	2,9
Греция		3	6,5	14	1,4
Югославия		4	4,9	10	1,9
Новая Зеландия		5	4,5	1	18,5
Австрия		6	3,6	31	0,6
ГДР и ФРГ		7	2,6	13	1,4
США		8	1,9	9	2,0
Нидерланды		9	1,7	19	1,2
Индия		10	1,7	23	0,9

десяток стран в 1978--1979 гг.

		1978--1979 гг.		1968--1969 гг.	
Новая Зеландия		1	18,5	5	4,5
Великобритания и Ирландия *		2	18,5	1	45,9
Малайзия		3	13,6	25	0,5
ЮАР		4	4,3	23	0,5
Италия		5	2,9	2	7,5
Гонконг		6	2,8	24	0,5
Вьетнам		7	2,8		
Филиппины		8	2,1	35	0,1
США		9	2,0	8	1,9
Югославия		ю	1,9	4	4,9

* Для 1978—1979 гг. - без Ирландии.

Примечание. Источник: Australia. Department of Immigration and Ethnic Affairs: Review of Activities to 30 June 1979. Canberra, p. 45.

концерте имеет в своем составе заметную примесь неангосаксов; некоторые европейские поселенцы уже не зависят от работы по найму, а приобрели собственные магазины, предприятия или фермы; существуют итальянские, греческие, китайские капиталисты, нанимающие рабочих, а в северной части побережья Нового Южного Уэльса группа индийских поселенцев основала фермерскую общину. Иммигранты Австралии — это не единая категория. Среди выходцев из Великобритании, Канады, США, Новой Зеландии, Северной Европы, а в последнее время и из Азии многие имеют высокую или хотя бы среднего уровня профессиональную подготовку. С другой стороны, Мальта, Греция, Италия, Югославия и Турция поставляют преимущественно рабочих неквалифицированных и средней квалификации; многие выходцы из стран Среднего Востока довольно широко используют возможности вызова родственников, предоставляемые планом воссоединения семей. В результате с появлением в капиталистической экономике Австралии работников сравнительно низкой квалификации, говорящих на неанглийских языках, в стране возникла этническая стратификация¹².

При обследовании в 1960-х годах иммигрантов высокой квалификации оказалось, что доля урожденных австралийцев всего выше в следующих областях деятельности: 1) научные работники и инженеры; 2) преподаватели и 3) люди свободных профессий, включая практикую-

¹² См., например: Lever C. Migrants in the Australian Workforce. Melbourne, 1975; Rivett K. Australia and the Non-White Migrant, p. 50—54.

щих врачей. В 1966 г. из числа лиц свободных профессий лишь 20% были уроженцами иностранных государств; из них только 2/3 въехало в Австралию после войны. В группе «научные работники и инженеры» доля иностранных уроженцев была всего выше среди ученых, занимающихся науками о земле (47,3%). На втором месте стояли университетские преподаватели (40,1%), среди которых многие были выходцами из Соединенного Королевства. Ниже всего была доля иммигрантов среди юристов: в их числе в 1966 г. было только 10%, родившихся за границей. В целом в 1966 г. среди лиц, получивших университетское образование, 70% были уроженцами Австралии и 20% — послевоенными иммигрантами. Но чистый рост числа иммигрантов высокой квалификации следует рассматривать, сопоставляя иммиграцию с «перекачкой мозгов» из самой Австралии¹³.

За последнее время не появлялось новых детальных исследований по иммигрантам интеллигентного труда, но в переписи 1976 г. было учтено 269 989 чел., имеющих дипломы о высшем образовании, степень бакалавра или более высокую научную степень; из них 189 161 чел. (70%) родились в Австралии, а 78 828 (30%) — за ее пределами.

К середине 1970-х годов менее половины работников-мужчин, родившихся в Австралии, принадлежали к категории «синих воротничков», тогда как среди мужчин-иммигрантов из средиземноморских стран более 2/3 были заняты в обрабатывающей и строительной промышленности на малопrestижной и низкооплачиваемой работе. Среди работающих женщин из средиземноморских стран доля принадлежащих к категории «синих воротничков» в 5—6 раз больше, чем среди работниц — уроженок Австралии¹⁴.

Многие из иммигрантов, обладающих низким статусом, — выходцы из тех же районов, которые поставляют такого рода работников в страны ЕЭС. Поэтому, несмотря на успехи отдельных переселенцев, обладающих капиталом, образованием или иными ресурсами, помогающими им повысить свое положение, послевоенная иммиграция в Австралию не должна рассматриваться изолированно от роли межгосударственных трудовых миграций вообще и их вклада в капиталистическое хозяйство. В самом деле, в истории послевоенного расселения в большинстве западноевропейских стран (а также в Австралии) проявляется общая тенденция: иммигранты из относительно менее развитых стран снабжали развитые государства дешевой рабочей силой, и от этого выиграли как некоторые из трудящихся, уроженцев принимающих стран, так и капиталисты¹⁵.

Иммигранты особенно много дали различным отраслям австралийской обрабатывающей промышленности. К 1966 г. иммиграция обеспечила 49,48% рабочей силы в швейной промышленности, 44,7% — в текстильной, 40,6% — в нефтеперерабатывающей и 40,3% — в других отраслях обрабатывающей промышленности. Хотя иммиграция послевоенных лет давала менее половины ежегодного прироста населения, на ее долю пришлось 69,3% увеличения численности рабочих обрабатывающей промышленности за 1947—1961 гг. За пятилетие между переписями 1961 и 1966 гг. иммигранты дали 122,1% прироста численности рабочих обрабатывающей промышленности, из чего вытекает, что коренные австралийцы из нее уходили; это имеет некоторое отношение к увеличению в Австралии прослойки рабочей аристократии¹⁶.

¹³ *Salter M. J. Studies in the Immigration of the Highly Skilled. Canberra, 1978, p. 98—100.*

¹⁴ *O'Malley P. Australian Immigration Policies and the Migrant Dirty-Worker Syndrome.—In: Birrell R., Hay C. (eds.). The Immigration Issue in Australia. Bundoora, Victoria, 1978, p. 47.*

¹⁵ *Cm. Castles S., Kosack G. Immigrant Workers and Class Structure in Western Europe. Oxford, 1973.*

¹⁶ *Collins I. The Political Economy of Post-War Immigration, p. III—113.*

В самой обрабатывающей промышленности в 1966 г. почти половину (48,8%) работающих в ней иммигрантов составляли рабочие разного уровня квалификации; только 29,9% принадлежали к специалистам высшей категории, инженерным, административным или конторским служащим или работникам сбыта. Иммигранты были преимущественно сосредоточены в производстве кузовов автомобилей, станкостроении и швейной промышленности; эти три отрасли в 1966 г. охватывали треть всех работающих по найму иммигрантов. В частности, в швейной промышленности было много выходцев из Италии, Греции и Югославии¹⁷.

В переписях 1971 и 1976 гг. снова была выявлена сильная концентрация иммигрантов в сфере занятий, сгруппированных под рубрикой «работники торговли, производственные рабочие и чернорабочие» (см. табл. 5). К этой категории в 1971 г. были отнесены 52,2% работающих

Таблица 5

Занятия выходцев из важнейших стран в % к занятому населению в возрасте 15 лет и старше (данные переписи 1971 г.)

Род занятий	Страны рождения								
	Великобритания и Ирландия	Италия	Греция	ФРГ и ГДР	Югославия	прочие	всего рожденных вне Австралии	Австралия	всего
Специалисты, инженеры и т. п.	11,2	1,8	1,0	10,5	2,2	12,2	9,2	10,6	10,2
Управляющие, администраторы, менеджеры	6,7	4,2	5,0	6,1	1,8	7,0	6,0	6,9	6,7
Клерки	15,7	4,6	2,4	13,7	2,6	12,2	11,5	17,5	15,8
Занятые в оптовой торговле	8,1	5,5	9,1	6,3	2,1	6,2	6,8	8,5	8,1
Фермеры, рыболовы, охотники, лесорубы и т. п.	2,9	8,2	2,2	2,4	3,4	3,0	3,5	9,2	7,7
Шахтеры, рабочие каменоломен и т. п.	0,7	0,4	0,2	0,8	0,9	0,6	0,6	0,7	0,7
Работники транспорта и связи	5,0	3,5	3,1	3,6	2,3	4,0	4,1	6,1	5,5
Промышленные рабочие, чернорабочие, лица, занятые в розничной торговле	36,5	57,2	59,5	42,9	68,1	41,2	44,2	27,6	32,1
Работники обслуживания, спорта, рекреации	8,6	7,2	8,6	8,7	7,8	8,4	8,4	7,0	7,4
Военнослужащие	1,4	0,2	0,1	1,4	0,1	0,6	0,9	1,4	1,2
Неизвестные	3,2	7,2	8,8	3,6	8,7	4,6	4,8	4,5	4,6
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Источник: National Population Inquiry (1975). First Report. V. 1. Canberra, 1975, p. 129.

мужчин — уроженцев зарубежных стран против 36,3% мужчин, родившихся в самой Австралии. Данные 1976 г. показывают, что среди мужчин—уроженцев Австралии к этой категории относятся 44,5%, тогда как для некоторых групп приезжих этот процент значительно выше: для немцев — 53,0%, для итальянцев — 77,7%, для югославов — 80,2%. Довольно высока доля этой категории и среди женщин, рожденных за границей: среди гречанок к «синим воротничкам» относятся 63,5%, среди итальянок — 53,3%, среди югославок — 62,0%, между тем как среди уроженок Австралии они составляют всего 10,5%. При этом в непрестижных текстильной и швейной промышленности иммигранты пред-

¹⁷ Там же, с. 113; O'Malley P. Op. cit., p. 47.

ставлены примерно в три раза выше, чем можно было бы ожидать, судя по их доле в рабочей силе в целом¹⁸.

Такое характерное для иммигрантов распределение между отраслями — это не просто временное устройство новоприбывших. Во введении к докладу Австралийского совета по народонаселению и иммиграции (APIC) за 1976 г. указывается, что многие иммигранты остаются на этих низкооплачиваемых работах в течение довольно длительного времени. Данные Левра также показывают, что доля иммигрантов в числе занимающихся малопрестижными и низкооплачиваемыми видами труда скорее растёт, чем снижается¹⁹.

Два доклада, опубликованные APIC в 1976 и 1977 гг. (первый при лейбористском, второй при либеральном правительстве), не углубляются в проблемы этнической стратификации. Доклад 1976 г., отметив неблагоприятное положение иммигрантов, рекомендует для улучшения жизненных условий меры социального обеспечения. Второй же доклад предлагает ввозить в страну иммигрантов с низкой квалификацией, принадлежащих к разнообразным этническим группам. Доклад 1977 г. даже указывает на Азию и южную часть Тихого океана как на возможные новые источники неквалифицированной рабочей силы и временных рабочих. Учитывая прошлое Австралии, такие меры, несомненно, привели бы к возрождению политики поддержки «Белой Австралии».

Итак, в целом, хотя некоторые иммигранты прибыли, имея профессиональную подготовку, и заняли престижные должности, а некоторые смогли подняться по социальной лестнице и сами стали нанимателями, огромное большинство приезжих вошло в состав австралийского рабочего класса. Перемещенные лица первого послевоенного периода, а в дальнейшем выходцы из Южной Европы показали себя относительно послушными и легко перемещающимися работниками в городском строительстве, сборе фруктов, в горной и обрабатывающей промышленности и мало затронули интересы местных австралийских рабочих²⁰. Хотя иммигранты по-разному распределяются между отраслями, больше всего их сосредоточено «в отраслях обрабатывающей промышленности с наихудшими условиями работы и с самой низкой зарплатой — там, где труд наиболее тяжел физически и связан с выполнением наиболее презираемых заданий»²¹. В некоторых областях деятельности иммигрантам случалось соглашаться на зарплату более низкую, чем согласились бы получать местные австралийцы. Исследования показали также, что многие из новоприбывших женщин-иммигранток заняты в особо неблагоприятных для труда областях деятельности²². Таким образом, иммигранты составили резервную армию для промышленности; они образуют группу, к которой местные рабочие относятся в известной мере враждебно, поскольку многие иммигранты не говорят по-английски и незнакомы с политикой профсоюзов в области заработной платы и с профсоюзными обычаями. Социальная дискриминация иммигрантов, таким образом, естественно вырастает из их экономической роли. С точки зрения системы в целом, можно сказать, что иммиграция амортизирует циклические колебания в промышленности и разъединяет рабочий класс. Еще одно последствие этнической стратификации заключается в том, что в

¹⁸ Australian Bureau of Statistics. *Migrants in the Labour Force 1972—1976*. Canberra, 1977, p. 35; *O'Malley P.* Op. cit., p. 48.

¹⁹ *Lever C.* Op. cit., passim.

²⁰ *Appleyard R. T.* Immigration and the Australian Economy.— In: *Wilkes J.* (ed.). *How Many Australians?* Sydney, 1971, p. 16.

²¹ *Ford G. W.* A Study of Human Resources and Industrial Relations at the Plant Level in Seven Selected Industries.— In: Australia. Committee to Advise on Policies for Manufacturing Industry. *Policies for Development of Manufacturing Industry: A Green Paper*. V. 4. Canberra, 1976, p. 20.

²² *Collins J.* *The Political Economy of Post-War Immigration*, p. 118, 124.

периоды спада экономики и безработицы новоприбывшие более других подвержены увольнению и далеко не всегда могут добиться принятия на имеющиеся рабочие места. Если же им удастся попасть на работу, это вызывает раздражение безработных коренных австралийцев. В 1972 г., еще до того, как стала расти безработица, доля безработных в Австралии составляла в целом 2,1%, но среди вновь прибывших иммигрантов она достигала 10,9%²³.

РЕАКЦИЯ ИММИГРАНТОВ

Не все иммигрантские группы как следует изучены. Мало опубликовано работ о русских, украинцах, мальтийцах, турках, ливанцах, югославах, голландцах и немцах, прибывших в Австралию в послевоенное время. Некоторые небольшие группы (например, латышская) выпустили много публикаций на своем родном языке, тогда как русских изданий вышло очень мало. С другой стороны, о греческих, итальянских, китайских и еврейских иммигрантах имеются капитальные труды; определенное внимание было уделено и беженцам²⁴.

В 1950-х и 1960-х годах очень немногие из иммигрантов выступали с изложением своих взглядов, и, за исключением отдельных лиц, иммигранты принимали мало участия в австралийской общественной жизни в целом; вместе с тем в некоторых иммигрантских общинах усиливались внутрigrупповые конфликты и политическая борьба. Но в середине 60-х годов рабочие-иммигранты сыграли видную роль в классовых столкновениях на рудниках Маунт-Айза в штате Квинсленд. Рабочие-европейцы, особенно финны, поддержали воинствующих активистов, настаивавших на забастовке вопреки руководству Союза австралийских рабочих; иммигранты также присоединились к протестам против решения правительства штата Квинсленд направить в Маунт-Айза полицию для подавления забастовки²⁵. В 1973 г. снова имело место выступление некоторых недовольных иммигрантов: бросив вызов своему профсоюзу, они приняли активное участие в крупной забастовке на предприятии Форда в Бродмедоу в штате Виктория. Эти действия завершились бунтом; стало ясно, насколько иммигранты обособлены от основного потока профсоюзного движения в стране и вместе с тем насколько их раздражает такая обособленность. После этого инцидента в Мельбурне и Сиднее были созваны первые конференции рабочих-иммигрантов, с тем чтобы попытаться интегрировать иммигрантов в рабочий класс Австралии. Ныне все большее число иммигрантов начинает активно участвовать в работе профсоюзов, политических партий и местного управления, особенно в крупных греческих и итальянских общинах Мельбурна, где многие из них поддерживают лейбористскую партию Австралии²⁶.

Но, как отмечалось выше, отнюдь не все иммигранты входят в рабочий класс или симпатизируют лейбористской партии. Французы, например, как правило, люди умственного труда или имеют ту или иную высокую квалификацию и в результате получают в австралийском обществе относительно высокий статус. Они поддерживают свою культурную исключительность при помощи таких организаций, как Alliance Française; в общественном и политическом отношении они консервативны и ориентированы на истеблишмент. В 1973 г., когда в Австралии начались выступления против французских ядерных испытаний на Тихом океане, ни одна французская ассоциация и ни один комитет, существующие в Австралии, не выразили своего протеста. В противовес другим этниче-

²³ Там же, с. 117, 120, 126.

²⁴ См. Price C. A. (ed.). Op. cit., passim.

²⁵ Sheldon C. Industrial Siege: The Mount Isa Dispute. Melbourne, 1965.

²⁶ Collins J. The Political Economy of Post-War Immigration, p. 126; Brennan N. (ed.). The Migrant Worker (Proceedings and Papers of the Migrant Workers' Conference, October 1973). Melbourne, 1974; Allan L. Ethnic Politics — Migrant Organisation and the Victorian ALP. — Ethnic Studies, 1978, v. 2, № 2.

ским группам, протестовавшим в 1977 г. против прекращения радиопередач для этнических групп, французы вежливо промолчали²⁷.

Среди других давно проживающих общин китайская, члены которой в течение последних нескольких десятилетий начали овладевать занятиями среднего класса и селиться в его жилищных зонах. Как и французы, они не участвуют активно в политической или экономической борьбе, но некоторые из них начинают занимать более видное место в общественной жизни страны; в 60-х годах мэром города Дарвина был выбран китаец, а в Мельбурне один китаец был избран членом городского совета²⁸. Давно обосновавшиеся в Австралии еврейские общины также проявляют тенденцию к консерватизму; в них имеется немало влиятельных, деловых людей и лиц свободных профессий; в настоящее время генерал-губернатор Австралии — еврей. К числу других иммигрантов высокого статуса принадлежат поселившиеся здесь в послевоенные годы американцы, канадцы, южноафриканцы, а с конца 60-х годов многие индийцы и пакистанцы. Эти люди нередко участвуют в управлении компаниями, заняты в сфере свободных профессий, являются техническими экспертами. Среди поляков, венгров, итальянцев, греков, ливанцев, китайцев и евреев-сефардов имеется немало консервативно настроенных, мелкобуржуазных лавочников и мелких предпринимателей.

В общем иммигранты, подобно урожденным австралийцам, как правило, осознают и выражают свои общественные интересы в соответствии со своей классовой принадлежностью, хотя и не в классовых терминах. В частности, тенденция членов национальных групп апеллировать к своему этносу варьирует в зависимости от их социального положения в австралийском обществе. Группы с большим числом членов, принадлежащих к буржуазии и занимающих высокое положение в обществе, не так активно организуются по этнической принадлежности, как некоторые иммигранты-рабочие, хотя иммигранты с высоким положением часто оказывают поддержку культурным ассоциациям и религиозным организациям, в том числе школам²⁹. Тем не менее правительство в последние годы поощряло группировку по этническому признаку, и некоторые ученые пропагандировали в печати концепцию многокультурного общества, в котором этничность служит основным принципом организации. Пока не ясно, останутся ли иммигранты, имеющие высокий статус, по-прежнему в стороне от этнических организаций или будут открыто оспаривать англосаксонскую гегемонию. В настоящее время дело обстоит так, что австралийские буржуа все более перенимают французскую кухню, пользуются скандинавской мебелью, покупают дорогую итальянскую одежду и путешествуют за границей. Иммигранты с повышенным социальным статусом не нуждаются в том, чтобы утверждать свою этничность как таковую; их влияние, основанное на классовой принадлежности, уже приводит к постепенным изменениям внешних параметров многих культурных ценностей и обычаев в стране.

РЕАКЦИЯ ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНЫ

До середины 60-х годов австралийцы большей частью относились к иммигрантам равнодушно либо проявляли тенденцию к выработке этнических стереотипов. В течение 60-х годов выявились различные трудности, порожденные противоречием между иммиграционной политикой

²⁷ *Rosenberg J.* A Steady Ethnic Group: Role of the French in Australia.— *Ethnic Studies*, 1978, v. 2, № 3.

²⁸ *Choi C. Y.* Chinese Migration and Settlement in Australia. Sydney, 1975; *Rivett K.* Australia and the Non-White Migrant, p. 195.

²⁹ Евреи основали в Сиднее несколько религиозных школ, японцы тоже имеют там свою школу. Некоторые итальянцы, имеющие высокий социальный статус, создали Общество Данте Алигиери, немцы — Институт Гете, а панджабцы, живущие в Сиднее, — Сикхское культурное общество.

приема переселенцев из всех регионов мира и требованием усвоения ими «англоконформизма». Многие иммигранты принадлежали у себя на родине к низшим, беднейшим слоям общества, и им трудно давалось приспособление к новой культуре и новым обычаям. Часто они были малообразованны, и способность адаптироваться к социальным изменениям была у них не столь велика, как у высокообразованных переселенцев, имевших хорошую профессиональную подготовку и опыт жизни в разных странах. Тем самым неравноправие, вытекающее из места рабочего класса в австралийской социальной системе, у многих из них усугублялось незнанием англо-австралийских обычаев, языка и законов.

Трудности, испытываемые иммигрантами, часто называли «проблемами ассимиляции»; их слишком часто рассматривали как задачу, которую должны решать сами иммигранты. Появился даже спрос на ученые труды, создающие более совершенные и более общие теории ассимиляции. К концу 60-х годов ученые начали выражать свое разочарование политикой и перспективами иммиграции, высказывая сомнения по поводу того, проявляет ли правительство достаточную заботу о быте, образовании и устройстве иммигрантов, однако сама система классового неравенства в 60-х годах не часто подвергалась критике. Популярны публицисты склонны были изображать австралийское общество как преимущественно зажиточное, однородное и счастливое³⁰. Выходило, что менее удачливые виноваты сами или же им не повезло.

К концу 60-х годов не только было вскрыто (в «Исследовании бедности»³¹) тяжелое положение многих из новоприбывших, но и избиратели-иммигранты превратились в силу, с которой приходилось считаться; усилилась общая критика иммиграционной политики. Министерство иммиграции (при либеральном правительстве) взяло на себя дополнительные обязательства в отношении устройства иммигрантов и заботы об их благосостоянии; в 1968 г. оно выделило фонды на субсидии, выдаваемые этническим общинам на предмет найма специальных служащих для помощи иммигрантам. В ответ на разрастающуюся дискуссию по поводу тяжелого положения детей иммигрантов, особенно в штате Виктория, это министерство учредило программу по их обучению, а также ряд научно-исследовательских программ по изучению положения иммигрантов. Концепция ассимиляции к тому времени стала неприемлемой, и в течение 70-х годов в среде принимающего общества поляризовались две точки зрения, одна из которых предусматривала консервативное, другая — радикальное решение иммиграционной проблемы.

Консервативно настроенные ученые приняли идеологию плюрализма и культурного многообразия и создали литературу, обогащенную новыми, не очень определенными понятиями «структурный плюрализм», «культурный плюрализм», «выхоленный плюрализм», «здоровый плюрализм», «многокультурное (multicultural) общество»; все эти термины, подчеркивая этнические и культурные различия, продолжали затемнять классовую природу австралийского общества³². К середине 70-х годов набрало силу радикальное течение: некоторые добровольные благотворительные группы и научные работники низового уровня, недовольные плюралистическим истолкованием проблемы, привлекли внимание к роли иммиграции и иммигрантов в классовой структуре австралийского

³⁰ *Hörne D.* The Lucky Country. Sydney, 1964; *McGregor C.* Profile of Australia. London, 1966; *Rowse T.* Australian Liberalism and National Character. Victoria, 1978, Chapter 5.

³¹ Australia. Commission of Inquiry into Poverty (1975). First Main Report. Poverty in Australia. Canberra, 1975.

³² *Martin J. I.* Migration and Social Pluralism.—In: How Many Australians?/Ed. Wilkes. Sydney, 1971; idem. Ethnic Pluralism and Identity.—In: Melbourne Studies in Education/Ed. Murray-Smith S. Melbourne, 1976; idem. The Migrant Presence: Australian Responses 1947—1977. Sydney, 1978; *Zubrzycki J.* Towards a Multicultural Society in Australia — In: Australia 2000: The Ethnic Impact/Ed. Bowen M. Armidale, 1977.

общества. В Мельбурне итальянская организация *Federazione Italiani Lavoratori Emigrati e Famiglie (FILEF)*, а также Центр урбанистических исследований и мероприятий высказывались весьма откровенно. В Сиднее Якубович и Бакли в своем докладе «Мигранты и юридическая система» остро критически трактовали саму социальную систему; то же относится к ученым, занимавшимся условиями работы женщин-иммигранток на заводах Сиднея³³. Одно из наиболее сжатых изложений радикальных взглядов было опубликовано в 1975 г., когда вышла из печати работа Коллинза, проанализировавшего политико-экономические аспекты послевоенной иммиграции. На его работу оказали сильнейшее влияние труды Каствлза и Козака о месте иммигрантов в классовой структуре западноевропейских стран. С этого началась непрерывная дискуссия по проблеме иммиграции в Австралии³⁴.

Лейбористское правительство ответило на растущую критику начала 70-х годов учреждением программ социального обеспечения и поощрением терпимого отношения к этническим различиям. Министр иммиграции А. Дж. Грасби стал откровенным сторонником культурного многообразия и критиком политики приспособления к англосаксонскому конформизму. В 1974 г. в штатах Виктория и Южная Австралия, а в 1975 г. и в штате Новый Южный Уэльс были образованы первые советы этнических общин (ЕСС). Эти организации не исчезли со сменой федерального правительства, а укрепили свои позиции и в последние годы стали положительным примером для других этнических начинаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До самого недавнего времени публицисты и официальные лица были склонны изображать австралийское общество как однородное и по преимуществу британское. Еще в 1947 г. 97% белого населения страны имело британское происхождение. К 1971 г. британский компонент снизился до 88,3%, но население было все еще на 98% европейским³⁵. На 1976 г. соответствующие данные — 88,1% британцев и 97% европейцев. Но такого рода утверждения имеют определенную идеологическую подоплеку. Аборигены в них не принимаются в расчет, а подчеркивание слова «британский» подкрепляет представление о культурной общности с белыми завоевателями страны. К тому же, поскольку от иммигрантов ожидалось, что они усвоят британско-австралийский образ жизни, подобная политика побуждала австралийцев верить в то, что социальная однородность и возможна, и желательна. Тем самым затемнялась классовая структура австралийского общества.

Англосаксонская гегемония проявлялась и в других областях. Как ни странно, хотя упор на ассимиляцию был очень силен, ни Консультативный совет по вопросам иммиграции, ни Совет по планированию иммиграции не имели сколько-нибудь значительного представительства от этнических групп, и это несмотря на то, что обе организации были созданы именно для иммиграционного (т. е. этнического) планирования. Но, может быть, более серьезное значение имеет неясность юридического статуса иммигрантов. Верховный суд последовательно отличает критерии иммигрантского статуса и гражданства и «специально объявил, что иммигрант и при наличии австралийского гражданства остается иммигрантом и, следовательно, может подлежать депортации»³⁶. До сих пор

³³ *Jakubowicz A., Buckley B.* Migrants and the Legal System. Canberra, 1975; *Cox E. et al.* We Can Not Talk Our Rights — Migrant Women 1975. Sydney, 1975.

³⁴ *Collins J.* The Political Economy of Post-War Immigration; *Birrell R., Hay C.* (eds.) *Op cit.*

³⁵ Australia. National Population Inquiry (1975). First Report. V. 1, p. 15.

³⁶ *B. r. tho'omew G.* The Legal Position of Immigrants in Australia. — In: *New Faces/Ed...* Stoller A. Melbourne, 1966, p. 176.

отсутствует ясное и сжатое юридическое определение того, когда иммигрант становится поселенцем («settler») и, следовательно, правительство теряет право его выселить. В настоящее время имеются два противоположных взгляда на этот вопрос: один из них можно сформулировать просто как «иммигрант — всегда иммигрант»; согласно второму, более распространенному взгляду, право государства депортировать иммигранта прекращается, когда он «абсорбирован в общество». Предполагается, что этот процесс занимает около пяти лет, но не существует четкого критерия того, что составляет абсорбцию. Поэтому, если иммигрант приобретает право гражданства, прожив в стране три года, он (или она) потенциально подвержен возможности депортации в течение остающихся двух лет или до тех пор, пока абсорбция не считается завершённой³⁷.

Все же в некоторых других отношениях общественные условия 70-х годов, способствовавшие отходу от ассимиляционной идеологии, принесли иммигрантам ряд облегчений. Поощрение этничности оказало, например, положительное влияние в таких сферах, как преподавание в школах иностранных языков помимо традиционных французского и немецкого и поощрение представителей, выступающих от имени иммигрантов, выражать свои взгляды на разного рода общественные проблемы. Идеология культурного многообразия, возможно, также способствует терпимому отношению к этническим различиям в среде австралийцев и, таким образом, помогает ослабить национально-расовые предубеждения.

Все последствия поощрения этничности правительством и прославления учеными культурного многообразия и плюрализма требуют тщательного рассмотрения. Разумеется, важно предоставить иммигрантам лучшие возможности; приезжие внесли существенный вклад в рост населения и экономики страны, и надо считаться с их присутствием и с их голосами. Но в обществе, где этнические деления пересекают классовые границы, неравенство в классовых отношениях продолжает маскироваться подчеркиванием этнических различий. Поэтому структурные причины этнической стратификации и природа связи между классом и этносом остаются в тени. Таким образом, идеология культурного многообразия и плюрализма, как и идеология ассимиляции, несет функцию поддержания классовых отношений в австралийском обществе. Упор на этнос способствует также укреплению традиционализма в иммиграционных общинах. Там, где организации, созданные по этническому признаку, управляются пожилыми мужчинами, это нередко ведет к сохранению неравноправного положения женщин и молодежи.

Не одна Австралия характеризуется подъемом интереса к этничности в последние годы. То же явление наблюдается в континентальной Западной Европе, в Великобритании и в США³⁸. Во всех этих странах послевоенные межгосударственные миграции связаны с передвижением рабочей силы для обслуживания капитала, а также с «обменом мозгами». Поэтому, вероятно, неудивительно, что выросла сходная в идеологическом отношении практика.

Ясно, однако, что теории ассимиляции, культурного многообразия и этничности носят частный характер и игнорируют структурные детерминанты интернационализации рынка труда и соответствующие изменения в процессе накопления капитала. Поэтому, например, предложения о вербовке Австралией рабочей силы в Азии и на островах Океании должны; рассматриваться не только в связи с особенностями развития

³⁷ *Martin J. I. The Migrant Presence: Australian Responses*, p. 18.

³⁸ *Castles J., Kosack G. Op. cit.; Glazer N., Moynihan D. P. (eds). Ethnicity: Theory and Experience. Harvard University Press, 1975.*

австралийского капитализма, но и в меньшей мере в свете интернационализации разделения труда³⁹.

Социальный статус некоторых иммигрантов, уже обосновавшихся в Австралии, связан также со стремлением владельцев капитала автоматизировать процесс труда или размещать промышленные предприятия в странах, где труд дешев, а политические условия относительно устойчивы (например, Тайвань, Гонконг и Южная Корея). Обе эти тенденции имеют важные последствия для австралийцев и иммигрантов низкой квалификации, особенно для занятых в обрабатывающей промышленности или ставших безработными из-за закрытия предприятий.

Об устройстве иммигрантов в Австралии имеется множество превосходных эмпирических исследований. Однако сейчас требуется широкий синтез, построенный на основе недавних исследований положения иммигрантов в структуре классовых обществ⁴⁰. Проблема иммиграции в Австралии всегда была центральной в отношениях между собственниками средств производства и неимущими. В XIX в. ее стержнем была взаимосвязь между землей, трудом и капиталом⁴¹. В XX в., особенно после 1947 г., иммиграция оказалась решающим фактором индустриального развития Австралии. В обоих столетиях споры об иммиграции были областью, в которой выражалась борьба классовых интересов.

В капиталистических обществах производственные отношения в значительной мере определяют классовый опыт индивидуумов, а классовое сознание может быть определено как «способ, которым этот опыт проявляется в культуре: воплощается в традициях, системах ценностей, идеях и общественных институтах»⁴². Поэтому, хотя и важно зафиксировать документально эти традиции, системы ценностей и общественные институты, что и делалось во многих этнографических исследованиях иммигрантов в Австралии, важно вместе с тем социологически изучить структурные отношения, в которых участвуют иммигранты как в стране, так и в международном масштабе. Сосредоточение внимания исключительно на культурных проявлениях поведения иммигрантов отвлекает от изучения детерминантов их общественного положения. При этом природа принимающего общества слишком часто рассматривается как нечто само собой разумеющееся и остается неисследованной.

AUSTRALIAN IMMIGRATION 1947—1979

Since the second world war over three million immigrants have arrived in Australia, and 58% of them have come from non-British sources. The majority have been destined for Australia's working class and many have taken jobs Australians do not want. While economic expansion prevailed the ethnic composition of new settlers created little social tension, and many were upwardly mobile. But by 1975, after the economic crisis in the Western world, and the rise of unemployment in Australia, immigrants expressed their dissatisfaction more frequently, and Australians increasingly criticized immigrants. The change in social conditions from 1947 to the mid-1970s was paralleled by changes in government policy from programmes of assimilation to those promoting multiculturalism. Academic thought also moved away from assimilation theory, and by 1975 had polarized into a conservative and a radical response to immigration. The former includes theories of multiculturalism and pluralism; the latter examines immigration within the context of Australia's class system. The argument of this paper is that neither pluralist nor assimilationist theories explain the relation between ethnicity and class. Instead, they obscure the class nature of Australian society.

³⁹ *Nikolinaios C.* Notes Towards a General Theory of Migration in Late Capitalism.—*Race & Class*. V. XVII, № 1, 1975; *Sivanandan A.* Race, Class and the State.—*Ibidem*, V. XVII, № 4, 1976.

⁴⁰ *Bottomley G.* International Labour Migration and Australian Ethnic Studies.—*Ethnic Studies*, 1977, v. 1, № 2, p. 60.

⁴¹ *Lepervanche de M.* Op. cit.

⁴² *Thompson E. P.* *The Making of the English Working Class*. London: Penguin, 1968, p. 9, 10.